

ЧУМА КИПРИАНА

ХРИСТИАНЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ЭПОХУ ГОНЕНИЙ И ЭПИДЕМИЙ*

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

Проблема антропопрактик античного города рассмотрена на примере одной из крупнейших эпидемий античности середины III в., получившей название Чума Киприана. По мнению автора, именно крупные социальные потрясения и эпидемии являются наиболее репрезентативными для рассмотрения не только общих процессов истории Римской империи, но дают немало информации о жизни города и процессах с ним связанным. Чума Киприана является уникальным свидетельством не только о гонениях на церковь, но и об ее участии в жизни социума. В исследовании анализируются обстоятельства возникновения эпидемии и источниковая база, хронологические рамки и масштаб эпидемии, в том числе на основании новых археологических данных, а также характер болезни. В настоящее время к данным сюжетам проявляется особый исследовательский интерес, с чем связано появление большого количества новой историографии, содержащей интересные гипотезы, касающиеся эпидемии. Наиболее подробно исследована письменная традиция, включающая трактат Киприана «О смертности», специально посвященный эпидемии, а также «Житие» епископа, составленное дьяконом Понтием. Обращает на себя внимание то, что свидетельства о поведении людей в период эпидемии, характере собраний и молитв за отдельные категории верующих могут служить дополнительным источником, описывающим эпидемию. Отдельное внимание уделено влиянию эпидемии на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (март, 2022).

разные категории населения Римской империи, в том числе именно с Чумой Киприана, на наш взгляд, связано прекращение массовых антихристианских гонений, перенос репрессивной политики в правление Валериана на клириков, а также экономическая эксплуатация христиан, как низкого происхождения, которых приговаривали к принудительным работам, так и представителей знати, имущество которых конфисковывалось. Все это в условиях рабовладельческой экономики является явным свидетельством потерь среди трудового населения Римской империи, жившего в условиях скученности и антисанитарии, что опять же является дополнительным свидетельством о характере течения эпидемии и масштабах ее распространения.

Одна из проблем, которая традиционно стоит перед исследователями античности в целом и античного города в частности, заключается в недостатке источников, описывающих частную жизнь рядовых жителей города. Безусловно, греческая классика, эпоха раннего принципата или время Антонинов, равно как и рубеж III–IV вв., представлены гораздо большим количеством разнообразных свидетельств, в то время как события кризиса III в. известны в основном из весьма общих и не самых подробных исторических описаний Аврелия Виктора, Евтропия, «Жизнеописания августов» и других сочинений. В этой связи особую ценность представляют свидетельства о крупных социальных потрясениях и эпидемиях, фокус изучения которых смещается с событий политической истории в сторону городского пространства. Одним из таких заметных событий является так называемая Чума Киприана — эпидемия, охватившая в середине III в. значительную часть территории Империи и получившая свое название по имени карфагенского епископа, поскольку в его трактате «О смертности» дано наиболее подробное описание болезни. Именно в связи с эпидемией мы располагаем значительным набором свидетельств, описывающих не только антихристианские гонения, но и участие церкви в социальной жизни городского пространства. Эпидемия не осталась незамеченной и в римских источниках.

Необходимо отметить, что именование эпидемии чумой носит условный характер. Большинство крупных эпидемий античности носят аналогичное название, будь то Афинская чума 430 г. до н.э., унесшая жизнь Перикла в самом начале Пелопонесской войны, или Чума Антонина, начавшаяся в правление Марка Аврелия. Однако характер болезней, равно и хронологические рамки их распространений являются вопросами в высшей степени дискуссионными, ответ на которые возможен при привлечение все комплекса источников, включающих письменные, археологические и нумизматические данные. В равной степени это касается и Чумы Киприана.

Относительно времени возникновения эпидемии, о ее продолжительности в историографии не существует единого мнения. Наиболее популярна гипотеза К. Харпера, который в своих исследованиях предлагает наиболее широкие хронологические границы — 249–270 гг.¹ И хотя данная гипотеза имеет многочисленных критиков, окончательную точку в данном вопросе поставить необычайно трудно.

Наиболее информативными источниками о Киприановой чуме являются христианские свидетельства. Евсевий в «Церковной истории» несколько раз обращается к этому событию в контексте сообщений Дионисия Александрийского о распространении болезни в городе: «Войну сменила чума, а так как приближалась Пасха, то Дионисий опять письменно беседует с братьями... Сейчас всюду похоронный плач, все горюют; город оглашают вопли по умершим и каждодневно умирающим» (Euseb. *HE*, VII, 22, 1–2). По мнению К. Харпера, эти сообщения, датируемые весной 249 г., являются первым свидетельством о начале эпидемии, и указывают, что именно Египет или окрестные территории, например, Эфиопия, стали очагом ее распространения². По мнению ряда исследователей, слова александрийского епископа вполне могут восприниматься как преувеличение в контексте разгорающихся в городе антихристианских преследований, которые, как можно предположить, начались еще до издания эдикта Деция об обязательных

¹ См., например: Harper K. (2015).

² Harper K. (2015). P. 227.

жертвоприношениях¹. Однако проблема может быть рассмотрена и, с другой стороны. Е. Баумкамп справедливо, на наш взгляд, отмечает, что упомянутые в послании Дионисия Дометий и Дидим были его адресатами значительно позже, вероятно, в 259 г., в период гонения Валериана и изгнания Дионисия². К этому следует добавить, что нет и других свидетельств христианских авторов о раннем начале эпидемии. Можно согласиться с мнением С. Хюбнер, что александрийский епископ сообщает об эпидемии вообще, без привязки к какому-то конкретному времени³. Исследовательница отмечает, что слова Евсевия о том, что Дионисий вернулся в город «Александрию, которая опять была во власти войны и восстания» (Euseb. *HE*, VII, 21, 1), а также сожаления епископа, что «все дышит зловонием, словно роса — это сукровица от трупов, разлагающихся на составные части» (Euseb. *HE*, VII, 21, 8), вероятно, относятся ко времени после восстания Макриана в 260 г. и подержавшего его префекта Египта Муссием Эмилианом, преследование которым христиан в тот год подтверждается независимыми источниками⁴. Таким образом, поздняя датировка посланий Дионисия представляется более предпочтительной. На наш взгляд, также справедлива точка зрения, что император Деций погиб до начала возникновения эпидемии⁵. Напротив, смерть его сына Гостилиана непосредственно относится к исследуемому событию. Аврелий Виктор сообщает, что Галл и Гостилиан стали императорами до начала эпидемии, основной размах которой пришелся на правление уже Галла и Волузиана, поскольку «когда она распространилась, Гостилиан погиб» (Aur. Vict. *Caes.*, 30). Вероятнее всего, сын Деция Гостилиан оставался в Риме в течение 251–252 гг., в то время как легионы Мезии провозгласили императором намест-

¹ Strobel K. (1993). S. 196.

² Baumkamp E. (2014). S. 81.

³ Huebner S. R. (2021). P. 154.

⁴ Сохранился папирус Р.Оху. XLIII 3119, упоминающий христиан. Хотя он и не содержит точной даты, но сообщает о событии 7-го года, которое большинство исследователей относит к 7-му году правления Валериана и Галлиена, то есть 259/260 гг.: Blumell L. H. (2013). P. 111-113.

⁵ Huebner S. R. (2021). P. 160-161.

ника провинции Требониана Галла (лето 251 г.), сделавшего своего сына Волузиана цезарем (252 г.). Во всяком случае о каких-либо военных действиях в это время не сообщается. По всей видимости Гостилиан действительно умер от болезни, после чего узурпатор вступил в Рим. Схожее описание содержится в «Эпитамах» Псевдо-Аврелия Виктора, который также сообщает о естественной смерти Гостилиана и двухлетнем правлении Галла, погибшего вместе с сыном от рук собственных солдат, выступив против следующего узурпатора Эмилиана (*Ps. Aug. Vict. Epit.*, 30–31). Менее подробно эту историю передает Евтропий, что после гибели Деция «императорами стали Галл, Гостилиан и сын Галла, Волузиан» (*Eutr. Brev.*, IX, 5). В сообщении Евтропия содержится явное смешение правления наследника Деция и узурпатора, которое, как представляется, лишь подтверждает свидетельства других источников, что никаких военных действий между ними не велось. Очевидна и причина этого, бушующая в 252 г. эпидемия, жертвой её и стал Гостилиан, после ослабления которой военные действия в 253 г. возобновились.

Есть и еще ряд источников, позволяющих более точно определить хронологические границы эпидемии, которые реже попадают в поле зрения исследователей. Мы располагаем довольно подробными описаниями поместных соборов в Карфагене, которые собирались ежегодно в период епископства Киприана¹. Так, если собор, состоявшийся в мае 252 г., прошел обычным порядком хотя и без упоминания участия в нем клириков и мирян, более того был отмечен расколом Привата и Фелициссима, сторонники которых провели отдельное собрание (*Сург. Ep.*, 59), то собор 253 г. явно выделяется на фоне остальных. Это был наименее представительный собор из всех, которые проводились в Карфагене в это время, на котором присутствовал только 41 епископ, при том, что общее количество епископов в Африке доходило до двухсот. Риторика Киприана в этот год особенно напряженная, он предчувствует начало новой волны антихристианских гонений, а в обращении к верующим Тибариса прямо указывает на скорое пришествие антихриста (*Сург. Ep.*, 58, 1). Можно предположить, что тревогу вы-

¹ Каргальцев А.В. (2015). С. 437-438.

звало восшествие на престол императора Валериана, но более обоснованной представляется точка зрения¹, что именно на этот период конца 252 начала 253 г. пришелся разгар эпидемии². Кроме того, собор принял решение о скорейшем примирении отступников с церковью, особенно тех из них, которые находятся при смерти. Собор следующего 254 г. вновь прошел в спокойной обстановке, что опять же свидетельствует о пике эпидемии, пришедшемся на год предыдущий. Существует и еще одно временное совпадение. Как отмечает М. Дорнеманн, образ Христа как врача неожиданно возникает в контексте спора с Новацианом³ и его последователями (Сург. *Ep.*, 55, 16)⁴. Безусловно, евангельская фраза, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (*Mt.* 9, 12) относится к отступникам (*lapsi*), спор о возвращении в церковь которых и шел между карфагенским епископом и его противниками, однако ни до, ни после Киприан не обращается к данному образу столь последовательно.

Как уже отмечалось, трактат Киприана «О смертности» является наиболее подробным описанием болезни: «То, что расслабление желудка отнимает у нас телесные силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растрawляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, прилив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение» (Сург. *De mort.*, 14⁵). Ученые затрудняются однозначно определить характер болезни. По все видимости, речь идет не о чуме, а о разновидности геморрагической лихорадки вирусного происхождения⁶. То, что мы знаем сегодня о массовых вирусных заболеваниях, сви-

¹ Fischer J. A. (1981). P. 17.

² Поместные соборы в Африке традиционно проводились весной в дни празднования Пасхи.

³ Хронологию и обстоятельства раскола Новациана см.: Каргальцев А.В. (2017). С. 150-167.

⁴ Dörnemann M. (2003). S. 172-173.

⁵ Здесь и далее все переводы Киприана даны по изданию КДА (Киев, 1879 г.).

⁶ Stathakopoulos D. (2004). P. 179-182.

детельствует в первую очередь об их изменчивости, когда опасные разновидности через непродолжительное время переходят к более безопасной форме. Это вполне согласуется с нашим предположением, что эпидемия в наиболее острой форме продлилась не два десятилетия, но около двух лет и, очевидно, уже во второй половине 50-х гг. III в. ее последствия перестали быть столь ощутимыми.

Еще одним важным источником по истории эпидемии является «Житие Киприана», составленное дьяконом Понтием после гибели епископа в 258 г. Биограф Киприана придает эпидемии особое значение, говоря, что «было бы злодеянием пройти мимо того, что делал посреди этого понтифик Христа и Бога» (*Pont. Vit. Cypr.*, 9, 5). Рассказывая о вспышке «ужасной болезни» (заметим, он не употребляет слово чума), дьякон указывает, что «в то время по всему городу лежали не тела, а бесчисленные трупы (*cadavera*), которые вызывали сострадание прохожих» (*Pont. Vit. Cypr.*, 9, 3). Трудно сказать, в какой мере сам Понтий был свидетелем этих событий. Комментаторы справедливо отмечают, что сведения о деятельности карфагенского епископа в этот период почерпнуты автором «Жития» из его же трактатов¹. Однако можно отметить то обстоятельство, что болезнь не вызывала повального мора, Киприан проповедует перед своей паствой, которая не боится собираться вместе, верующие помогают больным и участвуют в погребениях, несмотря на высокую смертность нет упоминания о том, что какой-то город полностью обезлюдел. Все это вместе опять же свидетельствует о том, что характер болезни отличался от того, что мы знаем о чуме или аналогичных эпидемиях.

Что касается археологических свидетельств, то здесь мы вынуждены согласиться с мнением С. Хюбнер, что количество и значение их невелико, а равно и интерпретация имеющегося археологического материала представляется затруднительной. К. Харпер ссылается на исследования массовых захоронений в катакомбах Петра и Марцеллина в Риме как на свидетельство о распространении эпидемии в городе². Однако в специальных работах, посвященных современному исследованию катакомб, выполненному в

¹ Kitzler P. (2009). S. 245.

² Harper K. (2015). P. 226.

первом десятилетии XXI в., даются более осторожные оценки¹. В-первых, ученые далеки от однозначной оценки датировки обнаруженных массовых захоронений, указывая, что они могли быть совершены в конце II или в первой половине III вв. Во-вторых, из-за плохой сохранности костных останков трудно однозначно определить, носила ли смерть обнаруженных людей естественный или насильственный характер. В-третьих, в чем исследователи единодушны, многие погребения выполнены с большой тщательностью, а также содержат большое количество украшений и других материалов, тела покойников же подвергались специальной обработке, что не характерно для случаев массовых эпидемий. Не отвергая гипотезу о том, что возможно часть захоронений была вызвана эпидемическим процессом, ученые, тем не менее, склонны рассматривать их как жертв Чумы Антонина. Иными словами, часть захоронений в катакомбах Петра и Марцеллина может принадлежать жертвам Чумы Киприана, однако сделать какие-то определенные выводы относительно масштабов эпидемии, ее продолжительности и хронологических границах не представляется возможным. То же можно сказать и в отношении археологических раскопок в Фивах, где также были обнаружены массовые захоронения середины III в., которые в отличие от римских, очевидно, указывают на более спешный порядок погребения, и на которые К. Харпер ссылается как на однозначное свидетельство эфиопского происхождения эпидемии, начавшейся в 249 г.² Однако Ф. Тирадритти, команда которого и проводила раскопки в Египте, отмечает в своем отчете, на который, к слову, и ссылается К. Харпер, лишь обнаружение массового захоронения сожженных и обработанных известью тел, которые предположительно относятся ко времени Чумы Киприана, без возможности детальной реконструкции костных останков и тем более установления точной даты их погребения и причины смерти³.

Трактат «О смертности» содержит и другие интересные подробности, касающиеся эпидемии. Как справедливо отмечает Э.

¹ Blanchard P., Réveillas H., Kacki S., Castex D. (2013). P. 200-203.

² Harper K. (2017). P. 137.

³ Tiradritti F. (2014). P. 44.

Мерфи, это прежде всего проблема преждевременной смерти¹. Киприан раскрывает ее на примере старца Симеона, который имел пророчество, что не увидит смерти пока не придет Спаситель (Сург. *De Mort.*, 3), а также призывает не бояться и радоваться встрече со Христом. Подобное увещание, очевидно, не только дань риторике или библейской экзегетике, но и свидетельство о высокой смертности от болезни среди детей и молодежи. Сравнение больных с мучениками (Сург. *De Mort.*, 13–16) примечательно тем, что указывает не только на высокую смертность но и ее тяжелое течение. Однако здесь же упоминание о детской или старческой смертности может служить основанием для предположения, что болезнь распространялась неравномерно в разных возрастных группах.

Возвращаясь к проблеме антропопрактик в античном городе, можно отметить, что данные нами оценки характера и продолжительности эпидемии меняют и общее представление об участии христиан в деле помощи больным. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что церковь имела возможность оказывать такую помощь, и здесь высокая риторика христианских авторов отражает вполне истинную картину. С другой стороны, в случае если болезнь при высокой смертности длилась не столь продолжительное, как представляется ряду исследователей, время, забота верующих о ближнем становилась не столь заметной на фоне событий середины III в., что очевидно и было причиной сохраняющегося в языческой среде недоверия к христианам, которое проявилось спустя несколько лет в ходе гонений Валериана. Очевидно, продлившись до 270 г., эпидемия вызывала бы не только подозрения в том, что своим поведением они навлекли гнев богов, которые, к слову, не отмечены христианскими источниками в разгар эпидемии, но и естественную эмпатию на ту помощь, которую оказывали больным верующие.

Материал поступил в редакцию 22.01.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 7.02.2022*

¹ Murphy E. (2019). P. 84.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baumkamp, E. (2014) *Kommunikation in der Kirche des 3. Jahrhunderts. Jahrhundert. Bischöfe und Gemeinden zwischen Konflikt und Konsens im Imperium Romanum*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Blumell, L. H. (2013) “The Date of P.Oxy. XLIII 3119, the Deputy-Prefect Lucius Mussius Aemilianus, and the Persecution of Christians by Valerian and Gallienus”, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 186, 111-113.
- Blanchard, P., Réveillas, H., Kacki, S., and Castex, D. (2013) “La catacombe des saints Pierre-et-Marcellin à Rome (Ier–IIIe s.): Discussion sur l'origine des défunts et leur décès”, G. Branco, L. Rocha, C. Duarte, J. de Oliveira and P. Bueno Ramírez, eds. *Arqueologia de Transição. O Mundo Funerário. Actas do II Congresso Internacional Sobre Arqueologia de Transição (29 de Abril a 1 de Maio 2013)*. Evora: Chaia, 197-216.
- Dörnemann, M. (2003) *Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Fischer, J. A. (1981) “Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253”, *Annuaire Historiae Conciliorum*, 13, 12-26.
- Harper, K. (2015) “Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian”, *Journal of Roman Archaeology*, 28, 223-260.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Huebner, S. R. (2021) “The “Plague of Cyprian”: A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic”, *Journal of Roman Archaeology*, 34.1, 151-174.
- Kitzler, P. (2009). *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. Praha: Vyšehrad.
- Murphy, E. (2019) “Death, Decay and Delight in Cyprian of Carthage”, *Scrinium*, 15, 79-88.
- Stathakopoulos, D. (2004). *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge.
- Strobel, K. (1993) *Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert»: Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

- Tiradritti, F. (2014) "Of Kilns and Corpses: Theban Plague Victims", *Egyptian Archaeology*, 44, 15-18.
- Каргальцев, А.В. (2015). «Африканские соборы III в.: епископы и исповедники», *Мнемон*, 15, 432-445.
- Каргальцев, А.В. (2017). «"Достоинство исповедников — отлучиться от отступников": церковный раскол Новациана», *Религия. Церковь. Общество*, 6, 150-167.

Alexey V. KARGALTSEV

PLAGUE OF CYPRIAN

CHRISTIANS IN THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE ERA OF PERSECUTION AND EPIDEMICS

Anthropological practices of the ancient city are considered on the example of one of the largest pandemics in Antiquity, called the Plague of Cyprian (the middle of the 3rd century). According to the author, it is the major social upheavals and epidemics that are the most representative for considering not only the general processes in the Roman Empire history, but for providing a lot of information about the city life and the processes associated with it. The Plague of Cyprian is a unique testimony not only to the persecution of the church, but also to its role in the life of society. The study analyzes the beginning of the epidemic and the source base, the chronological framework and scale of the epidemic, including information provided by the new archaeological data, as well as the nature of the disease. At present, there is a considerable research interest in these subjects, which is the reason for the emergence of a large amount of new historiography containing interesting hypotheses regarding the pandemic. The written tradition, which includes Cyprian's treatise "On Mortality", specially devoted to the pandemic, as well as the "Life of Cyprian" compiled by Pontius the Deacon, has been studied in detail. It is noteworthy that evidence of people's behavior during the epidemic, the features of assemblies and prayers for certain categories of believers can serve as an additional source of information about the epidemic. Special attention is paid to the impact of the epidemic on different categories of the population in the Roman Empire. In our opinion, it is with the Plague of Cyprian that the cessation of mass anti-Christian persecutions is connected,

the transfer of repressive policies during the reign of Valerian to the clergy, as well as the economic exploitation of Christians, both of low birth, who were sentenced to forced labor, and representatives of the nobility, whose property was confiscated. In the context of slave economy, all this can be considered a clear evidence of the manpower shortages in the Roman Empire, whose population lived in unsanitary and overcrowded conditions. This can be viewed as additional evidence of the course of the epidemic and its spread.

REFERENCES

- Baumkamp, E. (2014) *Kommunikation in der Kirche des 3. Jahrhunderts. Jahrhundert. Bischöfe und Gemeinden zwischen Konflikt und Konsens im Imperium Romanum*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Blanchard, P., Réveillas, H., Kacki, S., and Castex, D. (2013) “La catacombe des saints Pierre-et-Marcellin à Rome (Ier–IIIe s.): Discussion sur l'origine des défunts et leur décès”, G. Branco, L. Rocha, C. Duarte, J. de Oliveira and P. Bueno Ramírez, eds. *Arqueologia de Transição. O Mundo Funerário. Actas do II Congresso Internacional Sobre Arqueologia de Transição (29 de Abril a 1 de Maio 2013)*. Evora: Chaia, 197–216.
- Blumell, L. H. (2013) “The Date of P.Oxy. XLIII 3119, the Deputy-Prefect Lucius Mussius Aemilianus, and the Persecution of Christians by Valerian and Gallienus”, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 186, 111–113.
- Dörnemann, M. (2003) *Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Fischer, J. A. (1981) “Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253”, *Annuario Historiae Conciliorum*, 13, 12–26.
- Harper, K. (2015) “Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian”, *Journal of Roman Archaeology*, 28, 223–260.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Huebner, S. R. (2021) “The “Plague of Cyprian”: A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic”, *Journal of Roman Archaeology*, 34.1, 151–174.
- Kargal'cev, A.V. (2015). “Африканские соборы III в.: епископы и исповедники”, *Mnemon*, 15, 432–445.

- Kargal'cev, A.V. (2017) "Dostoinstvo ispovednikov — otluchit'sja ot otstupnikov»: cerkovnyj raskol Novaciana", *Religija, Cerkov'. Obshhestvo*, 6, 150-167.
- Kitzler, P. (2009). *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. Praha: Vyšehrad.
- Murphy, E. (2019) "Death, Decay and Delight in Cyprian of Carthage", *Scrinium*, 15, 79-88.
- Stathakopoulos, D. (2004). *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge.
- Strobel, K. (1993). *Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert»: Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Tiradritti, F. (2014) "Of Kilns and Corpses: Theban Plague Victims", *Egyptian Archaeology*, 44, 15-18.